

В городке было множество постоянных дворов, где путники могли передохнуть и перекусить, словно все здесь были лишь временными гостями, никто не задерживался надолго.

Изначально он думал, что стоит только выбраться из Великой Чжоу, и необъятный мир будет у его ног, куда захочет — туда и отправится. Но на деле вышло, что при всей необъятности мира нигде не было для него места.

Великая Чу была его родной страной, однако людей, желавших ему смерти в Чу, было ничуть не меньше, чем в Чжоу, если не больше.

В этом месте не было властей, была лишь власть денег, символизирующих богатство. Он даже увидел, как кто-то на улице избивал кулаками и ногами маленького ребенка, а окружающие аплодировали и одобрительно кричали. Это зрелище было подобно представлению для потехи уставших путников. Лу Це даже мог представить, что случится, если его обнаружат: Великая Чу вновь отправит его в Великую Чжоу.

И это, вероятно, еще было бы мягким исходом.

Естественным географическим барьером, защищавшим Великую Чу от Великой Чжоу, были пограничные крепости, целых семь застав, расположенных неподалеку отсюда, в Гуаньдуне.

Во время битвы за Гуаньдун много лет назад старый генерал, оборонявший крепость, пал на поле боя. Вражеское государство напало внезапно и, хорошо зная систему укреплений и застав, продвигалось сокрушительно быстро. Подкрепление не успевало за стремительным натиском врага, армия Гуаньдуна едва не была полностью уничтожена, потери были тяжелейшими.

Лу Це невольно сглотнул слюну и молча носком ботинка стер с земли написанные иероглифы «Гуаньдун».

Земли Ванси были весьма привлекательны, но путь туда лежал через столицу. Если же идти в обход, то при его положении на это могла уйти вся жизнь.

Это место не подходило. Лу Це носком стер с земли иероглифы «Ванси».

Земли Цзяннань, согласно слухам, славились живописными водами и мягкими ветрами, изящными красавицами, подходящими для семейного очага. Но он не смел туда отправиться. Младшая сестра князя Цзяннань и его мать были представлены ко двору в одно время, обе получили титул чжаои. Сестра князя изначально также пользовалась большой благосклонностью, но затем император ночь за ночью оставался в дворцовом комплексе Чаожун, и та госпожа чжаои после рождения ребенка впала в депрессию и скончалась, а вслед за ней через несколько месяцев умер и ее потомок.

Тот князь возложил всю вину на его мать, и его ненависть, вероятно, была ничуть не меньше.

Сердце Лу Це сжалось, он даже не дописал иероглифы «Цзяннань», поспешно стерев их.

В итоге он отправился в Цзянбэй.

Возможно, с самого рождения он нажил себе слишком много врагов, порой даже не зная, когда именно нанес обиду.

Князь Цзянбэй Фу Чэнцы с юных лет пользовался славой, был удивительно талантлив и

выдающиеся учен. Лу Це видел его однажды в детстве во дворце и считал, что с ним должно быть легко иметь дело.

Но он ошибся. В число тех, с кем легко иметь дело, он сам явно не входил.

Фу Чэнцы был известен как вольная птица, беспечный отшельник, не вмешивающийся в дворцовые дела. Даже тому, почему Лу Це оказался в пределах Цзянбэй, он не придал значения.

Однако прошло не больше полумесяца, как император Великой Чжоу направил письмо в Великую Чу: Лу Це сбежал.

Вероятно, его выдал хозяин винной лавки. Прослышали, что его видели в пограничном городке.

Император Чэньюй приказал усилить поиски в четырех регионах и непременно найти Лу Це.

Та ночь стала самой официальной встречей между Лу Це и Фу Чэнцы.

Свет лампы падал на профиль человека, добавляя несколько лучей сияния тому почти демонически прекрасному лицу. Лу Це тронул уголки губ, его глаза-фениксы устремились на Фу Чэнцы. Между ними был обмен, мольба, угроза.

— У меня осталась половина чертежа пограничной крепости Гуаньдун, оставленная матерью для сохранения жизни, — сказал он. — Если все будет спокойно, я унесу эти чертежи в могилу. В противном случае представлю их государю Великой Чжоу. Ваша светлость, вероятно, слышал о том, сколь тяжелыми были потери в Гуаньдун в той битве? Если противник соберет полный комплект чертежей, это, боюсь, станет новым бедствием для Великой Чу.

Взгляд Фу Чэнцы упал на плавающую на поверхности горячей чашки чайную пенку. Голос его был холоден:

— Седьмой князь и впрямь мастерски рассчитывает выгоду, для достижения цели не гнушается никакими средствами.

После этих слов Лу Це усмехнулся:

— Почему бы Вашей светлости не поверить мне один раз?

Фу Чэнцы, подперев щеку одной рукой, прищурился, разглядывая его улыбку. Некоторое время он молча любовался, а затем произнес:

— Риск для меня слишком велик. Седьмому князю удалось сбежать из Великой Чжоу в мой Цзянбэй. Если я хоть на мгновение упущу бдительность, и ты снова сбежишь, заодно передав чертежи крепости Чжоу, разве не стану я твоим сообщником?

Уголки губ Лу Це на мгновение замерли. Он словно долго обдумывал, а затем торжественно заявил:

— Я могу остаться в Цзянбэй твоим телохранителем. Ты можешь приставить ко мне людей для присмотра. Только не отправляй меня в Великую Чжоу.

«Остаться в Цзянбэй телохранителем, только не отправляй меня в Великую Чжоу». Фу Чэнцы повертел эту фразу в уме, тихо рассмеявшись:

— Лицо седьмого князя приятно глазу, забыть его невозможно. Если я буду держать тебя при себе, разве не станет еще опаснее?

Лу Це ответил:

— Я могу носить маску и с этих пор не показывать истинное лицо.

Пальцы Фу Чэнцы медленно сомкнулись на тонкой, длинной, белой шее Лу Це. Эта жизнь была в его руках — стоило лишь приложить усилие, и тот мгновенно испустит дух. Он пристально всмотрелся в глаза Лу Це и увидел, что тот, как и всегда, невозмутим, словно бьется об заклад, что он не сделает этого. Такая хладнокровность была чрезвычайно интересна. Во взгляде Фу Чэнцы появилась тень игры. Он отпустил хрупкую жизненную артерию:

— Помни свое обещание, Лу Це.

Это было обещание Лу Це Фу Чэнцы.

* * *

Пролежав два дня, в дождливо-снежный день небеса наконец-то проявили благосклонность. Зимний снег и красные сливы лишь добавили новых красок, цветы сливы на ветвях и верхушках деревьев были весьма изящны.

Возможно, из-за того, что он спас второго господина, в последние дни в княжеской резиденции его никто не тревожил, и жизнь текла спокойно и безмятежно. У Лу Це с юных лет остались проблемы со здоровьем, иногда он мог проспать целый день, одиноко развалившись на плетеном кресле во дворе.

К тому же, на северных землях редко бывало ясно, и Лу Це с тех пор, как вернулся с Пика Орлиного Снега, как следует не отдыхал. Под лучами солнца даже кости становились мягче.

В тот день Лу Це по-прежнему лениво лежал в плетеном кресле, не желая шевелить ни одним пальцем.

Фу Ицзинь, направляясь во внутренний двор, заметил, что Лу Це сменил маску. Прежняя маска закрывала все его лицо, а эта — лишь от лба до кончика носа, оставляя на виду тонкие губы.

Линия подбородка была изящной и плавной, маска четко очерчивала контур мужского профиля. Непроизвольно возникало еще большее любопытство: каково же лицо под маской?

Фу Ицзинь невольно замедлил шаг, чтобы не потревожить того, но Лу Це уже давно заметил его приближение. Он слегка приподнял веки и лениво произнес:

— Второй господин, у вас есть дело?

Фу Ицзинь, будучи застигнутым на месте, не смутился, а сказал:

— Как раз сегодня хорошая погода, моего старшего брата нет, пойдем со мной прогуляемся.

Лу Це слегка удивился — вот почему за все дни после пробуждения он ни разу не видел Фу Чэнцы, оказывается, того не было.

Что странно: за этот год в Цзянбэй Фу Чэнцы отлучался считанные разы.

Однако отсутствие Фу Чэнцы не означало, что Лу Це осмелится творить что вздумается. Он замахал руками, отказываясь:

— Благодарю второго господина за благосклонность, только моя болезненная, хилая натура вряд ли подходит для прогулок, чтобы не испортить ваш настрой.

Фу Ицзинь знал, что тот любит говорить сладко, и не обратил внимания на его несколько язвительный тон. Он откинул полы халата и сел напротив Лу Це, с усмешкой пригрозив:

— Если не пойдешь со мной, я скажу старшему брату, что ты намеревался сбежать. Некоторые слова я позволю тебе обдумать и взвесить, прежде чем отвечать. Взгляни-ка, разве эти потайные наручи не твои?

Сердце Лу Це екнуло. Он взглянул на наручи в руках Фу Ицзиня, потом на высокомерную ухмылку на его лице, и у него появилось желание разорвать этого человека на куски. Изначально он снял их вместе с коротким клинком, и вот эта штукавина оказалась подобрана Фу Ицзинем.

С детства, занимаясь боевыми искусствами, он не был таким основательным, как другие, полагаясь лишь на опыт предшественников и те не слишком честные, ищущие легких путей приемы.

После первого использования потайного наруча перед Фу Чэнцы тот прямо запретил ему это, и поначалу Лу Це думал, что это великий князь Цзянбэй презирает его низкие, непрезентабельные методы.

* «Просыпаться, держа в руках власть над миром, засыпать, опьяненным, на коленях красавицы» — изначально это слова Хо Цюйбина: «Просыпаться, сжимая меч убийцы, засыпать, опьяненным, на коленях красавицы».

* «Коротка радость ночи любви, высоко всходит солнце — с этих пор государь не является на утреннюю аудиенцию» — Бо Цзюйи «Песнь о бесконечной тоске».

1. О том, почему Лу Це, будучи без сознания, смог точно схватить запястье: это была естественная реакция, ставшая бдительностью.

2. О том, что Лу Це не бросился спасать избиваемого ребенка: не из-за бессердечия, просто в ту эпоху, где сильный пожирает слабого, да еще в месте, где нет даже официальных властей для защиты, Лу Це, сам едва спасшийся бегством, мог думать только о самосохранении. Это поведение ради защиты себя, а не потому, что главный герой бессердечен и жесток.

<http://bllate.org/book/15603/1392730>